

Для Джуд,
люблю тебя бесконечно

И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

— Откровение Иоанна Богослова 6:5 (SYNO)

*А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен.*

— Уильям Шекспир,
«Юлий Цезарь»*

* Перевод С. Зенкевича.

Глава 1

Год двадцатый — четыре всадника

Лагуна, Бразилия

Я всегда знала, что еще увижу Голода. Назовите это интуицией, но я знала, что этот сукин сын вернется.

Прибрежный бриз развеивает на мне юбку, треплет мои темные волосы. Женщина неподалеку бросает на меня злобный взгляд.

Я не покинула то, что осталось от моего города, — города, где обочина дороги выстлана нашими телами. Не знаю, почему остались другие жители Лагуны, у них-то нет такого оправдания, как у меня.

Я бросаю взгляд на Элоа. Лицо у стареющей мадам решительное. Если ей и страшно, то она этого не показывает. Ей есть чего бояться, но я об этом помалкиваю.

Я смотрю туда же, куда и она: на пустую дорогу, вьющуюся вокруг одного из холмов, на которых раскинулась Лагуна*.

Стоит зловещая тишина.

* Порт, муниципалитет, входит в состав штата Санта-Катарина. Расположен на юге Бразилии. — *Здесь и далее прим. ред.*

Большая часть приморского городка, где я прожила последние пять лет, заброшена. Наши соседи собрали все ценное, что у них было, заперли дома и разъехались. Даже почти все обитательницы борделя сумели тихо ускользнуть. Не знаю, вернутся ли они когда-нибудь.

Не знаю, вернется ли хоть что-нибудь из прежней жизни.

Мне самой не до конца понятно, какие чувства это у меня вызывает.

Какая-то немолодая женщина, проходя мимо, толкает меня плечом.

— Шлюха, — бурчит себе под нос.

Я оборачиваюсь и встречаю ее ледяной взгляд.

— Прошлой ночью твой сын иначе меня называл, — говорю я, подмигивая.

Женщина только ахает. Вид у нее явно возмущенный, однако она поспешно проходит мимо.

— Хватит нарываться, — одергивает меня Элоа.

— Что? — спрашиваю я с невинным видом. — Я защищаю свою честь.

Она смеется, но взгляд ее уже снова устремлен на дорогу, и обветренная кожа вокруг глаз собирается в напряженные морщинки.

Люди рядом с нами держат в руках кувшины с вином, мешочки с кофейными зернами, ведра со свежевывловленной рыбой, корзины с лепестками цветов, чтобы усыпать ими землю, кошельки с драгоценностями, стопки тончайших тканей, и чего еще только там нет. Дань, достойная властелина.

Вот уж не знаю, сдалось ли все это всаднику и на кой черт.

Что я знаю точно, так это то, что остаться здесь было крайне неудачной идеей — даже для меня, непревзойденной мастерицы по части неудачных идей.

Правда, у меня-то есть оправдание. У Элоа и остальных его нет.

Минуты складываются в часы, а мы стоим все так же молча и хмуро.

Может, он все-таки не приедет? Лагуна — это же крошечный городишко, едва ли достойный его внимания.

Впрочем, Анитополис тоже едва ли стоил его внимания, однако это не помешало ему стереть город с лица земли.

По рядам, прерывая мысли, пробегает ропот. Мой пульс учащается.

Он здесь.

Даже если бы толпа не выдала никакой реакции, я бы все равно почувствовала перемену в самом воздухе.

При мысли о Голоде я испытываю целый коктейль эмоций.

Любопытство, застарелая боль и прежде всего — нетерпеливое ожидание.

И тут я вижу его — Жнеца.

Он восседает на угольно-черном коне, его бронзовые доспехи сияют так ярко, что из-за этого блеска почти не разглядеть огромную острую косу на спине. Жнец останавливается посреди разбитого шоссе, соединяющего оба конца моего города.

Даже издали у меня перехватывает дыхание и щиплет глаза. Я не могу сказать, что я чувствую, знаю только, что моя профессионально сделанная маска сползает с лица при виде Голода.

Он еще более потусторонний, чем я запомнила.
Все это время я раз за разом возвращалась к воспоминаниям о нем, и все же вид его во плоти поражает.

Элоа рядом потрясенно охает.

Жнец, прозванный так из-за косы, и его конь неподвижны как статуи. Он слишком далеко, я не могу отсюда разглядеть его пронзительные зеленые глаза или вьющиеся волосы. Но знаю, что он-то видит нас всех. Не думаю, что мы его сильно впечатлили.

Через несколько долгих минут Голод ударяет коня в бока, и тот пускается рысью через мост. Люди бросают цветы на дорогу, усыпая ее яркими лепестками.

Медленно-медленно он движется ко мне — все ближе и ближе.

Сердце гулко стучит.

И вот он проезжает мимо — великолепный, как бог. Волосы цвета расплавленной карамели, загорелая кожа всего лишь на тон или два светлее. Острый точеный подбородок, высокий лоб, резко выдающиеся скулы, надменный изгиб губ. Но сильнее всего поражают его глаза цвета зеленого мха. Дьявольские глаза.

Он широкоплеч, и бронзовые доспехи, украшенные спиралевидными цветочными узорами, плотно облегают его мощный торс.

Вблизи его красота потрясает меня до глубины души.

Он гораздо, гораздо более потусторонний, чем я запомнила.

Как ни привлекательны черты лица Голода, как ни взволнована я, однако в душе у меня начинают пробиваться первые росточки настоящего страха.

Нужно было уходить со всеми остальными. Черт бы с ней, со встречей.

Голод проезжает мимо меня, не заметив. Его взгляд прикован к улице, лежащей перед ним. Меня окатывает волной облегчения, а следом, как ни странно, разочарования.

Я смотрю вслед ему и его коню, пока весь город ликует, делая вид, что конец света еще не настал, хотя это очевидный обман.

Я смотрю вслед, пока он не скрывается из виду.

Элоа берет меня за руку.

— Пора, Ана.

Глава 2

Задолго до того, как Голод и его черный конь ступили на улицы Лагуны, мы знали, что он придет. Он не мог не прийти.

За несколько недель до его появления десятки — а затем и сотни, и тысячи — людей проходили по большой дороге через наш город. Женщины, с которыми я работала в «Раскрашенном ангеле», шутили, что после притока новых клиентов еще несколько недель ходили с ногами колесом. Такое было время.

Но потом кое-кто из этих пришельцев начал кое-что рассказывать. О засыхающем на лозах винограде, о странных растениях, способных раздавить взрослого мужчину, и еще о том, что сам воздух словно бы стал другим.

— Бред несут, ублюдки хреновы, — бормотала Изабель, одна из моих ближайших подруг, слыша эти рассказы.

Но я знала, что она неправa.

А потом Голод прислал в наш город гонца с требованиями. Всадник хотел бочки рома. Кувшины с маслом. Одежду, золото, еду и великолепный дом, чтобы в нем поселиться.

Мне, вообще-то, даже знать об этом не полагалось. Я и не узнала бы, наверное, если бы Антонио

Оливейра, мэр города, не был моим постоянным клиентом.

Мы с Элоа идем молча. Я не могу сказать точно, что у нее в голове, но чем ближе мы подходим к дому мэра — дому, в котором будет жить Голод во время своего визита, — тем тяжелее оседает во мне тревога.

Мне бы сейчас собирать вещи и бежать — то, что я заставила пообещать своих подруг в борделе.

Элоа наконец нарушает молчание. Откашливается.

— Вот не думала, что он окажется таким...

— ...ебабельным? — договариваю я за нее.

— Я хотела сказать — *откормленным*, — сухо отвечает она, — но *ебабельный* тоже годится.

Я поднимаю брови.

— А ты рассчитывала подложить меня под какой-нибудь тощий мешок с костями? — говорю я. — Обидно как-то.

Она элегантно фыркает. Все, что она делает, она делает элегантно и женственно, так, чтобы привлекать мужчин, хотя сейчас она уже редко сама спит с клиентами. Это она оставляет для других своих девушек.

Таких, как я.

— С Жуаном же ты трахалась, — напоминает Элоа, — а такого скелета я в жизни не видела.

В голове всплывает непрошеное воспоминание об этом старике. Это и правда был мешок с костями, и приборчик у него уже практически не работал.

— Да, но он мне целую неделю каждый день присылал цветы и говорил, что я выгляжу как богиня, — отвечаю я. Другим-то клиентам чаще всего плевать на мои чувства. — За одно это я готова была с ним трахаться хоть до скончания веков.

Элоа шлепает меня по руке, подавляя усмешку.

— Ой, только не делай вид, будто, если бы этот мужчина бросил тебе хоть цент, ты бы его не заглотила, — говорю я.

— Заглотила бы, конечно. Упокой, Господи, его душу.

При упоминании Господа я трезвею. Нервно сжимаю пальцы, хрустнув костяшками.

Все обойдется. У Голода нет к тебе ненависти. Может быть, это сработает.

Это сработает.

Дальше мы идем в молчании. Петляем по извилистым улочкам Лагуны, среди покосившихся домов и потускневших витрин магазинов, тоже чаще всего обшарпанных, с облупившейся штукатуркой.

Другие горожане идут в ту же сторону, многие несут подношения.

Я даже не предполагала, что так много людей знают, где остановился всадник...

Если, конечно, все они направляются к нему. Туда же, куда и мы. А я-то надеялась, что мне достаточно будет появиться на пороге Жнеца, чтобы привлечь его внимание.

Наконец, дряхлые, обветшалые дома и разбитые бетонные улицы Лагуны заканчиваются. За ними пустырь, за пустырем вдалеке возвышается холм, а на нем стоит дом мэра, из которого открывается вид на город.

Мы приближаемся к старому особняку Оливейры с красной черепичной крышей и окнами из дутого стекла. Сколько я себя помню, мэр и его семья жили здесь и делали состояние за счет кораблей, перевозивших товары вдоль побережья.

Вблизи богатство дома поражает еще сильнее: мощеная подъездная дорожка, ухоженный двор и... У дверей уже собралась очередь.

Сукин сын.

Вот тебе и преимущество.

Мы подходим к двери по подъездной дорожке, и тут створки распахиваются. Двое мужчин вытаскивают Антонио с залитым кровью лицом. Он отбивается, выкрикивая через плечо разные непристойности.

Я останавливаюсь как вкопанная, изумленно приоткрывая рот.

Мужчины волокут Антонио куда-то за дом. Не проходит и минуты, как следом за ним вытаскивают его жену и двух дочерей. Жена тоскливо воет — ничего подобного я в жизни не слышала. Дети рыдают и зовут маму.

Никто не вмешивается. Ни люди в очереди, ни даже мы с Элоа. Кажется, никто просто не знает, что делать. Сначала нужно понять, что происходит, но мы пока можем об этом лишь догадываться.

Я встречаюсь с испуганным взглядом Элоа.

Не уверена, что план мадам сработает.

Я смотрю туда, где в последний раз видела Антонио и его семью.

Но если ее план не сработает...

При этой мысли мне становится страшно.

Мы с Элоа неохотно плетемся в конец очереди. Несколько человек выходят из ряда и торопливо шагают прочь от дома.

Я смотрю им вслед и думаю: вот самые разумные из нас. Но пока они убираются восвояси, из города в нашу сторону тянутся все новые и новые люди.

Возможно, у нас еще есть время собраться и уйти. Я могу забыть о том, что было между мной и Голодом. Может быть, для нас с Элоа еще не все потеряно...

Это чувство только усиливается, когда я слышу крики, доносящиеся из-за дома. Волоски на руках встают дыбом.

Я поворачиваюсь к Элоа и открываю рот.

Она смотрит прямо перед собой.

— Все будет хорошо, — решительно говорит она.

Выработанная за годы привычка слушаться эту женщину вынуждает меня закрыть рот, хотя тугой узел страха в груди завязывается все крепче.

Те самые мужчины, которые минуту назад уволокли семью Оливейры, возвращаются одни. Мэра и его жены с детьми нигде не видно. Мужчины входят в дом, но двое с мрачными лицами остаются стоять перед дверьми. Мои глаза скользят по их темной одежде и открытым участкам кожи. Я вижу влажные пятна — клянусь, это кровь...

С той стороны двери раздается стук. Один из стражников открывает ее и отступает в сторону.

Кого-то из стоящих впереди нас в очереди проводят внутрь. Затем дверь снова закрывается.

В следующие двадцать минут люди один за другим входят в дом. Обрато через парадные двери никто не выходит — и выходят ли они вообще?

Что там происходит? Любопытная часть моего «я», черт бы ее побрал, хочет это выяснить. Другая часть, рациональная и боязливая, хочет убраться отсюда к чертям собачьим. Антонио и остальных членов его семьи так нигде и не видно, и я вполне обоснованно тревожусь — не только за них, но и за всех нас.